

Фрактальная голопоэзия — искусство будущего?

Один микросуперкомпьютер, один персональный компьютер с расширенной оперативной памятью и ускоренным обменом с периферией, два быстродействующих внешних буфера и большой винчестер, два цветных монитора с высоким разрешением... Все это потребовалось для создания первого, и пока единственного в своем роде, художественного произведения, жанр которого его авторы, Эдуардо Кац и Ормео Ботельо, определяют как «фрактальная голографическая поэма». Небольшой кусочек голографической пленки, заключенный в плексигласовый цилиндр, медленно поворачивается в лучах гелий-неоновых лазеров — и перед зрителем (читателем?) возникают в пространстве отдельные слова, иногда складывающиеся в целостную фразу, — а иногда просто растворяющиеся в каких-то сложных образах. Если зритель захочет обойти вокруг цилиндра, он вдруг обнаруживает, что фрагменты тех же слов начинают складываться в совсем другие фразы, по-иному сочетающиеся с пространственными образами. Каждый воспринимает это зрелище по-своему, в зависимости от способа наблюдения...

Идея синтеза зрительного и речевого компонентов поэтического текста возникла, скорее всего, с возникновением письменности как таковой. Уже в клинописи «Песни и Гильгамеше» заметны следы знаковой симметрии. В средневековой китайской и японской поэзии слово оказывается неотделимым от начертания иероглифов. Известны арабские орнаменты из поэтических текстов и строк Корана; оформление классических образцов персидской поэзии отличается тесным взаимопереплетением художественных миниатюр и отдельных строф. Явно осмысленный характер носят украшения русских рукописных книг и рукописей европейского барокко. С развитием наборного книгопечатания орнаментальность текстов постепенно теряется, стандартизируются и упрощаются шрифты, форматы страниц, макеты книг. Но в конце XIX — начале XX века поэты-модернисты пытаются вернуться к свободному расположению поэтического текста на странице: Маринетти, Каммингс, Аполлинер... А в 60–70 годах нашего столетия возникает мощная струя «экспериментальной поэзии», с ее бесконечными вариациями шрифтов, размеров букв, расположения букв в слове и слов в предложении. Структуры обычной речи практически растворяются в буквенных узорах, эта поэзия непроизносима — и требует, скорее, медитации над листком бумаги.

Логичным развитием такого искусства стали первые «голопоэмы» Эдуардо Каца и Фернандо Катта-Прета, в 1983–85 годах. Слово стало трехмерным — и художественный смысл приобретают вариации цвета, объема, степени прозрачности, появления и исчезновения форм при смене точки наблюдения. Однако исследователей не удовлетворял простой переход к трехмерности текста — они стремились создавать произведения дробной и переменной размерности! На помощь пришла теория самоподобных фракталов — новое течение в физике, позволяющее описывать такие, на первый взгляд совершенно случайные объекты, как контуры морских берегов, формы облаков, иззубренность горных хребтов. Фракталы пригодились в метеорологии, в теории турбулентности, в термодинамике неэргодических систем. И вот, настал час использования фракталов также в искусстве. Соединение новейших достижений теоретической физики, компьютерной техники и голографической технологии привело к появлению в 1989 году фрактальной голопоэмы «Quando?» («Когда?»).

Конечно, можно спорить по поводу художественной ценности этих первых опытов. Никак не отменяют они и необходимости обычной, звучащей поэзии, по-своему экспериментирующей с поэтическими, синтаксическими и звуковыми формами. Однако появление новых пластических средств всегда связано с пересмотром каких-то концептуальных установок, и с

изменением общего культурного фона. Фрактальная голопоэзия говорит прежде всего о том, что уже недолго ждать перемен.

Источник:

Eduardo Kac and Ormeo Botelho,
“Holopoetry and Fractal Holopoetry: Digital Holography as an Art Media”,
Leonardo, vol. 22, issue 3/4, pp. 397–402 (1989)

<http://unism.pjwb.net/arc>

<http://unism.pjwb.org/arc>

<http://unism.narod.ru/arc>